

ФОНТАН КРОВИ

Струится кровь моя порою, как в фонтане,
Полна созвучьями ритмических рыданий,
Она медлительно течет, журча, пока
Повсюду ищет ран тревожная рука.

Струясь вдоль города, как в замкнутой поляне,
Средь улиц островов обозначая грани,
Поит всех жаждущих кровавая река
И обагрывает мир, безбрежно широка.

Я заклинал вино — своей струей обманной
Душе грозящий страх хоть на день усыпить;
Но слух утончился, взор обострился странно:

Я умолял Любовь забвение пролить;
И вот, как ложем игл, истерзан дух любовью,
Сестер безжалостных поя своею кровью.

Шарль Бодлер
(пер. Л. Кобылинского)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1 Любовь

6 лет

сентябрь 1987 года

Тишину разрушили крики из амбара. Солнце, словно испугавшись, скрылось, и на ферму туманом навалилась мутная серость. Даже вечно ненасытные куры бросились наутек.

Любовь поставила ведро с зерном на землю и следом за мамой и сестрой подошла к амбару.

Смирение обхватила себя руками. Зеленое платье и грязно-коричневые башмаки совсем ее не красили. Мама обняла Смирение одной рукой и притянула к себе. Любовь смотрела на них краем глаза и слушала громкий сердитый голос. Папа. Злится. Снова.

Мамино лицо исказила недовольная гримаса.

— Любовь, оставайся здесь.

Любовь не послушалась и шмыгнула в амбар.

Папины щеки покраснели, как помидоры. Дрожа от ярости, он тыкал пальцем в дядю.

— Ты неадекватный.

Дядюшка Спаситель снисходительно улыбнулся папе. Он был намного выше. И шире. Как бык, возвышающийся над теленком.

Как всегда, дядя говорил спокойно и вежливо.

— Если тебе тут не нравится, Дэвид, уходи. Тебя никто не держит. Кроме того, ты, наверное, прав. Ты гордый человек. Тебе претит жить за чужой счет. Я только прошу дать Милости решать самой. Позволь ей остаться, если она хочет.

Папа рассмеялся лающим смехом.

— Еще раз назовешь ее так, и я...

Дядюшка Спаситель развел руки и улыбнулся. Он сделал шаг к папе, сокращая расстояние между ними.

— И ты что? Ударишь меня? Что ж, хорошо. Если тебе это нужно, чтобы выплеснуть пагубную ярость, вперед. Ударь меня. Все, чего я хочу, чтобы все жили здесь в мире и гармонии, но, если насилие помогает тебе справляться с гневом, пожалуйста, сделай это.

Любовь смотрела во все глаза, ей не терпелось увидеть, что станет делать папа.

Он покачал головой и пнул солому. Развернулся, словно собираясь уйти, но потом бросился к Дядюшке Спасителю и впечатал кулак ему в лицо. Дядя качнулся назад и упал на спину. Мама с криком рванулась вперед, оттолкнув Любовь в сторону. Папа оседлал Дядюшку Спасителя, одной рукой взял его за шею и ударил еще. На этот раз из дядиного носа брызнула кровь. Он перекатился на бок, и алая жидкость закапала на земляной пол. Мама снова закричала, когда папа ткнул дядю лицом в кровь на полу. Он что-то прошептал на ухо дяде, потом встал, отряхнулся и зашагал к двери, но мама схватила его за рубашку.

Любовь смотрела на них, сердце ее учащенно билось.

Папа резко развернулся. По его щекам текли слезы. Он побледнел и запачкался, тело била дрожь. Он быстро обнял Смирение и маму, потом отстранился. Любовь смотрела на него умоляющими глазами, но он даже не взглянул в ее сторону.

Любовь моргнула. Раз, два.

— Если ты нас любишь, то останешься, — сказала мама. Папа не отреагировал на ее слова и вышел из амбара.

Кульг

Любовь забрела на пастбище и опустилась на колени во влажную от росы траву. Колени покрывали подсохшие корки. В трещинки забились грязь, но Любовь не чувствовала боли. Прохладный воздух пробирал до костей, солнце наполовину скрылось за облаками, похожими на дохлых овец. Тело под хлопковым платьем покрывалось мурашками, но она не чувствовала холода.

Дрожащими пальцами Любовь погладила лепестки мака. Цветок был красным, как кровь. Крови было много. Пол амбара пропитался ею, запах проник в нос, в горло и в живот, словно невидимая красная дымка.

Желудок заурчал. Отвернув крышку стеклянной банки, Любовь выгребла остатки темно-синего джема, слизнула его с пальцев и замерла, когда до ушей донеслось жужжание.

Любовь присмотрелась к маку. Вопросы в голове жужжали, как две пчелы, кружившие над мохнатой сердцевинкой.

Жужжание становилось все громче, сильнее, настойчивее. Любовь подкралась ближе и наклонилась к цветку, разглядев два мохнатых тельца и торчащие сзади жала. Она не боялась пчел. Другие дети боялись. Мама и сестра боялись, а она нет. Жизнь пчел очень коротка. Они умирают, ужалив. Глупые.

Любовь нахмурилась и достала из носка спрятанную иголку, которую позаимствовала из мамино швейного набора.

Она нахмурилась сильнее и потеряла ноющую грудину. Мама говорит, что папа с Дядюшкой Спасителем никогда не ладили, но после переезда на ферму стало еще хуже.

Они здесь уже три года, а в прошлом месяце приехала еще одна семья. Теперь на дядиной ферме живут три семьи.

Мама говорила, что Дядюшка Спаситель замечательный, что он спасает людей. Вот почему Любовь начала его так называть. Теперь все зовут его Дядюшка Спаситель. Любовь не помнила, как его звали раньше. На Рождество Дядюшка Спаситель решил, что все они достойны новых, лучших имен. Имен, которые значат что-то хорошее и чис-

тое. Ей нравилось новое имя. До этого ее звали Зоуи, и это имя ничего не значило. Любовь — хорошее имя, потому что значит кое-что важное. Смирение раньше звали Клер, маму — Джойс, а папу — Дэвид. Папа не хотел, чтобы их звали по-новому, и ненавидел свое новое имя. В отличие от остальных, включая новую семью, он много жаловался и говорил гадости про Дядюшку Спасителя. Любовь не знала, что значит «неадекватный», но была уверена, что ничего хорошего.

Боль в груди прошла. Любовь кивнула сама себе.

Хорошо, что папа уехал. Он никогда не улыбался и говорил слишком быстро и неразборчиво. Дядюшка Спаситель всегда улыбается и разговаривает спокойно и четко. Папу никто не слушал, а Дядюшку Спасителя слушают все. Папа не давал им ничего. Дядюшка Спаситель дал им все, включая крышу над головой. Папа никогда не обнимал ее. Он обнимал маму и Смирение, но не ее. Дядюшка Спаситель обнимает ее все время. Он шепчет ей на ушко ласковые слова, когда никто не слышит. Папа никогда так не делал. Для него она была словно невидимкой. Однажды она услышала, как он говорил, что, если бы она не родилась, они были бы счастливы. Он назвал ее случайностью. Сказал, что завести второго ребенка было ошибкой. И когда он так сказал, мама не возразила.

Боль захотела вернуться, но Любовь отогнала ее.

Она подняла банку и поднесла ее к маку. Словно чувствуя что-то неладное, пчелы засуетились, их жужжание становилось все громче и громче, таким громким, что стало отдаваться у нее в голове, словно кто-то колотил кулаками.

Любовь посмотрела на иглу и подумала, что сказала бы мама. В следующую секунду она пожала плечами. На губах заиграла улыбка. Ее не интересует, что скажет мама, только что скажет Дядюшка Спаситель, а он говорит, что кровь — это жизнь. Кроме того, ей любопытно, а если она не захочет, то никто и не узнает.

Любовь подняла голову и сердито посмотрела на коров. Они пялились в ответ своими тупыми, невыразительными глазами. Их она тоже не боится. Она ничего не боится.

В сердце зашевелилось предвкушение, словно разрубленный пополам червяк.

Солнце вырвалось из-за темного облака, и острый луч света упал на кроваво-красные лепестки. Пчелы, кажется, немного успокоились, словно решив, что она ничего не сделает. Словно она просто маленькая девочка, которая слишком боится делать что-то плохое. Но ей почти семь лет, и она видела то, чего не видели другие девочки, и она не отвернулась, не заплакала, не закричала и не сделала ничего другого. Она была спокойна, совсем как Дядюшка Спаситель.

Она наклонила банку к пчеле поменьше. Та сидела на мохнатой серединке цветка, слишком занятая сбором пыльцы, чтобы заметить стеклянную ловушку за спиной.

Любовь положила иголку на бедро и взяла крышку. Держа банку около пчелы, другой рукой она поднесла крышку к самым кровавым лепесткам цветка. Держа банку в левой руке слева от цветка, а крышку в правой справа, она пристально смотрела на пчелу, почти желая, чтобы та заметила и улетела, чтобы не была такой глупой. Но пчела не заметила и не улетела. Скорее наоборот, она еще сильнее сосредоточилась на своем деле. Безмозглая рабочая пчела, работающая на свою умную, сильную королеву.

В голове стучало сильнее, сердце билось чаще. Любовь зажала язык между зубами, задержала дыхание и — хлоп! — прижала крышку к банке, поймав пчелу внутри. Ее товарка моментально пришла в неистовство, зажужжала и заметалась во всех направлениях, но Любовь смотрела только на свою добычу.

Пчела в банке сходила с ума, жужжала так громко, что Любовь едва терпела. Она снова и снова билась о стекло, словно пыталась убить себя. Любовь зачарованно смотрела, как пчела упала в каплю джема размером с ноготь, остав-

шуюся около горлышка банки, и прилипла. Тонкие лапки увязли в клейком джеме, как сапоги в грязи. Пчела жужжала все громче, как и ее подруга. Любовь наклонилась ближе, задевая стекло ресницами. Пчела стопроцентно влипла, но не сдавалась. Любви это понравилось.

Она отвернула крышку и положила на траву возле своих коленей, затем большим и указательным пальцем взяла иглу. Наклонив горлышко банки к своему лицу, она приподняла банку и поднесла иглу к попавшейся пчеле, которая изо всех сил боролась, но никак не могла освободиться из липкой ловушки. Но тем не менее ее жужжание продолжалось, все громче и громче, отчего голова Любви раскалывалась все сильнее. Пчелу заменило папино лицо, и Любовь расположила острие иглы в миллиметре от мохнатой пчелиной спинки. Ее переполняло любопытство, смешанное с непонятной потребностью. Сосредоточенно нахмурившись, Любовь всадила иглу в пчелу, удивившись тому, как легко и мягко она вошла. Игла пронзила пчелу насквозь, и та замерла, жужжание прекратилось. Одно счастливое мгновение Любовь наслаждалась ответом на свой вопрос. Она не ощущала восторга, просто радость от того, что выяснила, что же произойдет. Пчела умерла, и у нее текла кровь, но эта кровь была не красной, как человеческая. Она была цвета древесного сока.

Любовь почувствовала острую боль в руке и посмотрела на пчелу покрупнее, которая отвалилась от нее во влажную траву, мертвая.

Жало все еще торчало в руке. Вспыхнув от гнева, Любовь вытащила его. Через несколько секунд боль прошла, и гнев сменился любопытством.

Слегка улыбаясь, Любовь поднесла крошечный серебристый клинок к лицу и в изумлении уставилась на него.

Глава 2

Ханна

Наши дни

Ханна Вудс слышала скрип на лестнице. Вцепившись в простыню, она уставилась на дверь спальни. Сердце всколыхнулось, словно щербет, но успокоилось, когда она сказала себе, что это всего лишь ее младший братишка опять ходит во сне. Других причин для таинственного скрипа нет. Нет причин бояться.

Фыркнув, она включила лампу, откинула простыню, натянула пижаму с сердечками и сунула ноги в еще потные тапочки в виде единорогов. Ей все равно не спится. Мысли метались, как трупная муха, которая никак не перестанет биться в окно.

За окном лунный свет окрасил все вокруг в цвет пожелтевших зубов, навевающий мысли о привидениях и ведьмах, хотя она больше не верила в подобное. В десять лет она слишком взрослая, чтобы верить в сказки.

Грега на лестнице не оказалось. Ханна заглянула в его спальню. Кровать была пуста, простыня свалилась на пол, как будто он торопился.

Ханна на цыпочках подкралась к родительской спальне, улыбаясь папиному храпу, и подумала, не разбудить ли их, чтобы они разобрались с Грегом. Но когда они не высыпа-

ются, то ругаются еще больше, а ей не хотелось, чтобы они завтра ругались. Они всегда ругаются. Иногда она боится, что они разведутся, как родители Джека, и подобные мысли вызывают ощущения, как будто она тонет в супе.

Поглаживая живот, Ханна прокралась мимо родительской спальни к лестнице.

Внизу было темно. Страшно. Страх кольнул, но Ханна подумала про Грега и все, что он может устроить, если не вернуть его в кровать. Кто знает, какие безумные вещи творятся в головах людей, когда они ходят во сне. А Грег и так немного безумен. Ему всего семь лет, и он мал для своего возраста. Он может попробовать вскарабкаться на большой книжный стеллаж в гостиной и опрокинуть его на себя, как злая ведьма из «Волшебника страны Оз». Это было бы ужасно. Как бы он ни раздражал, все же она его очень любит.

Стиснув зубы, Ханна побежала вниз по ступенькам и чуть не поскользнулась.

Чтобы не упасть, она схватилась за перила, и застыла, услышав шарканье в кухне.

В темноте было видно, что дверь на кухню наполовину открыта. Внутри затаились тени, словно дементоры, готовые высосать из нее счастье. Сердце заколотилось, и Ханна заставила себя сосредоточиться на «более важных вопросах», как всегда говорит папа. Грег может пострадать. Нельзя позволить темноте победить. Она должна быть смелой, как Гермiona Грейнджер. Гермiona, с густыми волосами и суперумными идеями.

Набрав воздуха, Ханна пролетела оставшиеся ступеньки и заглянула в кухню. Ее младший брат в пижаме лягушки стоял на коленках на высоком стуле перед шкафчиком рядом с раковиной. Он даже надел свои кеды.

Он вздрогнул и оглянулся. За его спиной сквозь жалюзи пробивался лунный свет, придавая ему немного нездешний вид, так резко он выделялся на остальном фоне, словно бутафорские декорации в плохом фильме.

Культ

— Грег... что ты делаешь? — прошипела Ханна.

— Ты же не расскажешь?

— Ты опять ходишь во сне?

— Нет.

— Я тебе не верю. Иначе ты не встал бы.

— Мне все равно, — надулся он, смахивая челку с глаз.

Ханна заметила на столешнице открытый школьный рюкзак в виде божьей коровки.

— Это еще зачем? — В груди зашевелилась паника. —

Ты убегаешь?

— Нет, глупая.

— Не называй меня глупой, Грег. Это грубо.

Он отвел глаза:

— Извини. Просто ты все портишь. Никто не должен был знать.

— Знать что.

— Наш секрет.

— Чей секрет?

— Я не могу тебе рассказать.

— Почему?

— Потому что она взяла с меня обещание.

— Кто взял с тебя обещание?

Грег открыл было рот, чтобы ответить, но потом покачал головой:

— Нет. Ты меня не проведешь.

Ханна сдержала раздражение и понизила голос:

— Ладно, если не хочешь говорить, хотя бы скажи, что за секрет.

Грег притворился, что обдумывает ее требование.

— Ладно! Обещай, что не расскажешь.

— Обещаю. Провалиться мне на этом месте.

Брат захихикал и прикрыл рот ладошкой.

— Сегодня я увижу фею!

Ханна закатила глаза:

— Фей не бывает.

— Бывает, — нахмурился Грег.

— Нет, не бывает. Давай возвращайся в кровать, и я ничего не скажу маме с папой.

Он застегнул рюкзак:

— Ни за что. Я обещал. Я должен идти.

— Куда?

— Это секрет.

— Но ты не можешь выйти на улицу ночью один.

— Почему?

— Ну как. Это опасно. Ты можешь споткнуться и сломать щиколотку, и никто не найдет тебя много недель, и ты умрешь от голода. — Ханна помедлила, потом добавила: — И насекомые заберутся через нос тебе в мозг и отложат яйца, потом яйца вылупятся и твой мозг взорвется.

Грег округлил глаза, но покачал головой:

— Я не споткнусь. Я буду очень аккуратным. И я совсем ненадолго. Тут недалеко.

Ханна пожевала волосы и попыталась придумать еще причину, чтобы он не уходил.

— Тебя может забрать чужой человек и запереть в подземелье. Такое случается в реальной жизни, знаешь.

— Нет, не случается. Ты просто пытаешься меня напугать, — сказал Грег, аккуратно опуская рюкзак на пол.

— Как знаешь, — пожалала плечами Ханна. — Не верь мне, если не хочешь, но ты не можешь пойти. Если уйдешь, я побегу напрямиком вверх и расскажу маме с папой, и они так разозлятся, что запретят тебе играть в приставку на целую неделю.

Грег разинул рот.

— Ты не станешь! Ты же не ябеда. И вообще, если нажалуешься, я расскажу, что ты целовалась с Джеком.

Она ахнула.

— Как ты узнал?

— Я вас видел, — усмехнулся Грег.

Сердце Ханны заколотилось. У нее определенно будут проблемы из-за поцелуя с Джеком. Мама с папой такого не одобряют. Не хотят, чтобы она выросла слишком быстро.

Что бы это ни значило. К тому же маме не нравится мама Джека. Они недавно поругались, забирая детей из школы, и когда миссис Пикеринг уходила, мама показала ей средний палец.

— Хорошо. Но я иду с тобой, — сказала Ханна, скрестив руки на груди, чтобы показать, что она серьезно.

— Я не хочу.

— Обломись. Я иду.

— Нет.

— Да.

— Нет-нет-нет.

— Да-да-да.

Ханна схватила рюкзак, но Грег держал крепко, и они начали перетягивать его туда-сюда.

— Хватит, Ханна, перестань! Ты их разбудишь.

— Я перестану, — она вырвала рюкзак у него из рук и подняла над головой, — когда ты разрешишь мне пойти с тобой.

Грег поднял глаза на рюкзак и сердито зыркнул на нее, откинул челку. Ханна видела, как крутятся шестеренки в его маленьком мозгу. Через несколько секунд он кивнул.

— Хорошо, — сказала она, испытывая чувство вины, но и облегчения.

Грег протянул руку, и она отдала ему рюкзак.

— И что у тебя там?

Он постучал пальцем по своему носу.

Ее младший брат широко улыбнулся и закинул рюкзак на плечо. Радуюсь, что он снова в хорошем настроении, Ханна улыбнулась, но у нее засосало под ложечкой. То, что они делают, плохо, но в это время ночи все спят, и, если они доберутся туда, где по представлениям Грега живет фея, и быстренько вернуться домой, мама с папой никогда не узнают, что они выходили из дома.

Грег поднялся на цыпочки и снял ключ с крючка возле входной двери. Ханна посмотрела на свои тапочки-единорожки. Они всего на несколько минут, и на улице сухо.

Женщина из прогноза погоды сказала, что аномальная жара продлится несколько недель.

Она оглянулась на темную лестницу. Мама с папой так много ссорятся, что перестали интересоваться ею. Даже когда она показала маме похвалу от директора за рисунок отравленного яблока, мама выглядела равнодушной. За Грегом еще присматривают, потому что он ребенок, но она большую часть времени вынуждена заботиться о себе сама. Это нечестно. И папа всегда слишком занят утилизацией старой мебели, чтобы обращать на нее внимание.

Чувство вины сменилось приятной дрожью предвкушения. Они с Грегом поступают плохо, но мама с папой никогда не узнают.

Грег отпер входную дверь. Ханна бросила последний взгляд на лестницу и вышла следом за ним в теплую и влажную ночь.